

Российская академия наук  
Институт восточных рукописей

# ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК 2007–2008

История и культура  
тюркских народов России  
и сопредельных стран



Москва  
Издательская фирма  
«Восточная литература» РАН  
2009

Т.И.СУЛТАНОВ

(Санкт-Петербург)

## Ловушки ДЛЯ ВОСТОКОВЕДОВ-ТЕКСТОЛГОВ

В востоковедении, как и в любой отрасли науки, существует немало скрытых ловушек, попав в которые научный работник может потерпеть полное фиаско. Одна из таких ловушек — эта власть прежних и нынешних авторитетов востоковедения. Проиллюстрирую настоящую формулу двумя примерами из истории отечественного востоковедения.

Во втором томе «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды», собранного известным российским востоковедом XIX в. В.Г.Тизенгаузеном, помещены обширные переводы-извлечения из *Му'изз ал-ансаб* («Книга, прославляющая генеалогии») — ключевого источника для генеалогической истории Чингисидов и Тимуридов XIII–XV вв. Сравнительно недавно, в начале 1994 г., при совершенно случайной сверке мною текста переводов с персидским оригиналом, хранящимся в Национальной библиотеке в Париже, к великому удивлению, оказалось, что в опубликованных переводах-извлечениях содержатся грубейшие ошибки, искажающие генеалогическую историю Чингисидов. Чтобы стала понятной природа происхождения «роковой» ошибки, необходимо обратиться к персидскому оригиналу *Му'изз ал-ансаб*. Вкратце она заключается в следующем (подробнее см. [Султанов, 1994: 81–87; Султанов, 1996: 3–7]).

Сам автор этого сочинения, перечисляя из поколения в поколение всех членов обеих династий, учитывая, что мужские и женские имена семантически почти не различаются, сделал, как это водится при составлении генеалогического сочинения, обводку мужских имен одной графической фигурой (кругом), а женских имен — другой (прямоугольником = квадратом), что и оговорил в предисловии к основному тексту книги. В ходе подготовки переводов-извлечений из *Му'изз ал-ансаб* эта важнейшая особенность текста источника была опущена или забыта. В дальнейшем многочисленные российские, среднеазиат-

ские и другие исследователи, с полным доверием основывающиеся на тексте переводов В.Г.Тизенгаузена, рассматривали все имена членов династий только как мужские и таким образом попадали в ловушку, породив весьма искаженную картину внутрдинастийных и внутриполитических отношений в многочисленных государствах Чингисидов. В результате в целом направлении отечественного востоковедения создалась тупиковая ситуация.

Другой пример, который мне хочется привести здесь, связан с именем Николая Ивановича Веселовского (1848–1918). В его широко известной монографии, опубликованной в 1877 г. и посвященной Хивинскому ханству, со ссылкой на одну рукопись из собрания Азиатского музея (ныне Институт восточных рукописей РАН) говорится, что правитель Хивы Аллах-Кули-Мухаммад Бахадур-хан воссел на престол в 1825 г. «по воле и избранию народа» [Веселовский, 1877: 299].

Есть авторы историко-политологических исследований о Средней Азии, написанных в советское время, которые ссылаются на это место из сочинения проф. Н.И.Веселовского по важности сообщаемых в нем сведений — мол, один из среднеазиатских ханов вступил на трон «по воле и избранию народа».

Между тем предложенный в «Очерке» Н.И.Веселовского перевод совершенно не соответствует тексту оригинала и обнаруживает крайне слабое знание его автором чагатайского языка (среднеазиатского тюрки), на котором написан источник — *Тарих-и Аллах-Кули-Мухаммад Бахадур-хан*. Известно, что Николай Иванович Веселовский, не владея при поступлении в университет (1869 г.) ни одним европейским языком, кроме русского, за годы учебы не усвоил и восточных языков в той степени, в какой это было необходимо для самостоятельных изысканий по первоисточникам. В тех случаях, когда ему приходилось издавать и переводить восточные тексты, он обыкновенно обращался к содействию представителей соответствующих лингвистических специальностей [Бартольд, т. 9: 644, 653, 654], например ираниста В.А.Жуковского [Веселовский, 1897: 3, примеч. 3] и др.

К кому именно Николай Иванович по обыкновению обратился за содействием на сей раз, мне неизвестно; но «помощник» оказался не на высоте. Судите сами. Вот подлинный текст интересующего нас отрывка из *Тарих-и Аллах-Кули-Мухаммад Бахадур-хан*, единственный известный список которого и поныне хранится в рукописном отделе Института восточных рукописей РАН [Тарих-и Аллах-Кули, л. 66].

اولحضرت نينک هومايون جلوسی بارچه حل و عقد اهلی اختياری بيله اتفاق قيليدی

Переводчик XIX в. не понял в этом предложении выражение *حل و عقد اهلی* и, не мудрствуя лукаво, опустил из него первые слова,

выдав уже известный нам перевод, будто Аллах-Кули-хан воссел на престол «по воле и избранию народа». Между тем пропущенное переводчиком «странное» выражение представляет собой искаженную форму хорошо известной персидской формулы *اهل حل و عقد*, что означает «люди, имеющие право решать и вязать [трудные вопросы]», или просто — «влиятельные люди».

Таким образом, приведенный отрывок текста из первоисточника следует понимать и переводить так: «счастливое восшествие на престол его высочества [Аллах-Кули-Мухаммад Бахадур-хана] было одобрено волею всех влиятельных людей».

Авторитет, конечно, важен; в науке авторитеты, конечно, нужны. Но, согласитесь, также нужно и также важно, чтобы авторитет для научного работника являлся только лишь помощником разума и не подменял последний; нужно и важно, чтобы сила авторитета не оказывалась весомее исторического факта, и научный работник не подменял историческую критику, как это часто делали средневековые мусульманские авторы, подходящей для таких случаев декларативной формулой типа: *ал-ахда ала-р-рави ин тамма тамма ва илла фала*, т.е. «вся ответственность за верность сообщаемого на повествователе; если верно, то верно, если нет, так нет» (подробно об исторической критике в трудах средневековых историографов см. [Султанов, 2005: 162–170]).

Востоковеду нужно остерегаться по меньшей мере двух возможных ловушек при установлении точной хронологии событий: во-первых, при переводе даты с одной средневековой системы летосчисления на другую средневековую; во-вторых, при переводе даты древних и средневековых источников в систему нашего летосчисления. Поясню этот постулат примерами из мусульманских, в частности ираноязычных и тюркоязычных, источников.

Средневековые мусульманские авторы, понятно, использовали мусульманское летосчисление. Вопреки распространенному мнению, календарная **эра ислама не едина**, хотя и всегда связана с веками биографии пророка Мухаммада. В одних сочинениях, например в *Мудж-мал-и Фасихи*, она начинается от «года Слона» — 570 г. н.э., предполагаемого года рождения Мухаммада — в таком порядке: «второй год от года Слона», «третий год от года Слона» и т.д.; в других — от года смерти пророка Мухаммада, т.е. от 632 г. н.э., например в *Тарих-и ал-фи*; в большинстве — от *года хиджры* (622 г. н.э.) — «переселения» Мухаммада из Мекки в Медину.

В сочинениях многих мусульманских авторов события датируются сразу по двум системам: по хиджре и двенадцатилетнему циклическому календарю (календарю «двенадцати животных»). В таких слу-

чаях нередко встречаются противоречия в датировке. Так, согласно Натанзи, писавшему в Иране, Чингисид Алгуй «умер в 664 году (1265–66), соответствующему *году Свиньи*». В действительности 664 г.х. по циклическому календарю соответствует *год Барса*. Махмуд ибн Вали, среднеазиатский историк XVII в., в качестве даты смерти Шибанида Абу-л-Хайр-хана приводит *год Мыши* (= 1468 г.), однако приравнивает его к 874 году хиджры, которому соответствует 1469–70 год. В одной тюркской версии «Тарих-и Рашиди» говорится о том, что данный перевод был осуществлен с персидского в Восточном Туркестане «в 1160 году, соответствующем *году Овцы*». В действительности *году Овцы* соответствует не 1160, а 1164 г.х. (1751 г.).

В подобных случаях хронологической неувязки, если речь идет об исторических трудах, написанных в Туркестане, по замечанию В.В. Бартольда, «приходится предполагать ошибку в мусульманской дате, так как с эрой по циклу население гораздо лучше знакомо» [Бартольд, т. 7: 299].

Это, несомненно, тонкое наблюдение, основанное на многолетнем и тщательном изучении всех доступных тогда мусульманских источников. Следует, однако, учитывать одно важное обстоятельство, не отмеченное В.В. Бартольдом, а именно: в Туркестане и прилегающем регионе двенадцатилетний циклический календарь не был единым. Этот факт зафиксирован в сочинениях ряда мусульманских историков. Так, автор XVII в. Махмуд ибн Вали говорит — правда, сбивчиво и неуверенно — о несоответствии календарных «дня и недели» в Кашгарии по сравнению с Мавераннахром, Балхом и другими местностями. При этом он ссылается на «молву» [Махмуд ибн Вали, 1977: 72]. Более определенные сведения на этот счет содержатся в сочинении восточнотуркестанского историка Муллы Мусы *Тарих-и амнийя*, на что впервые обратил внимание ученых известный казахстанский востоковед В.П. Юдин (1928–1983). Как явствует из сочинения Муллы Мусы, в правление Чингисиды Са'ид-хана (1514–1533) в двенадцатилетний циклический календарь, применяемый в «Семиградье», была внесена «поправка», в результате чего «в этих городах счет лет на четыре года опережает счет других городов. Однако даты по хиджре у них такие же» [МИКХ, 1969: 482–483]<sup>1</sup>.

Таким образом, при переводе дат с одного средневекового летосчисления на другое средневековое обращение только к существую-

<sup>1</sup> Это пояснение Муллы Мусы дало возможность, в частности О.Ф. Акимову, исправить противоречие между датой по хиджре и животному циклу, содержащееся в «Тазкира-йи 'Абд ал-Маннан», и таким образом аргументированно обосновать год похода Шибанидских войск на Кашгар (см. [Шах-Махмуд Чурас, 1976: 284, примеч. 137]).

щим «Синхронистическим таблицам» оказывается недостаточным. Как видно из приведенных примеров, это необходимо делать с учетом местных «поправок», чтобы не попасть в ловушку, а напротив, исправить встречающиеся в источнике противоречия между датой по двенадцатилетнему циклическому календарю и по хиджре.

Следует отметить одну особенность перевода дат с мусульманского летосчисления на европейское. При переводе даты по хиджре на европейскую с точностью до числа, месяца и дня недели иногда случается несовпадение в пределах суток. Неувязка в хронологии возникает отнюдь не из-за неточности автора мусульманского текста или методики исчисления даты, а из-за несовпадения счета времени суток в европейской и средневековой мусульманской традиции. Чтобы не угодить в ловушку, эту особенность нужно держать в уме, помнить, что в то время как день недели, согласно европейской традиции исчисления календарного времени, начинается в 12 часов ночи и заканчивается через 24 часа, в мусульманской традиции день недели начинается сразу же после захода солнца и продолжается до следующих сумерек, когда на глаз уже нельзя отличить белую нитку от черной.

Таким образом, любой день недели мусульманского календаря (а именно день недели имеет решающее значение при переводе мусульманских дат на европейские<sup>2</sup>) разными своими частями приходится на два дня недели европейского календаря, и наоборот. Так, например, если, согласно дате по хиджре, событие произошло в пятницу, а при переводе на европейский календарь оно имело место в четверг, то это значит лишь, что речь идет здесь о событии, происшедшем по европейскому летосчислению в четверг после захода солнца, но уже в пятницу по мусульманскому календарю. В таких случаях появляется редкая возможность уточнить хронологию события с точностью до нескольких часов.

Автор настоящих строк далек от мысли представить здесь нечто вроде краткого пособия по хронологии средневекового Востока. Но, напоследок, всё же напомним еще одну особенность средневековой хронологии, которую нужно помнить постоянно.

В средневековой хронологии используются два календаря: юлианский — для датирования событий, происшедших до осени 1582 г. и григорианский — для датирования событий, происшедших с октября 1582 г. Вот почему составители «Синхронистических таблиц» обычно оговаривают в предисловии эту особенность; в частности Иосиф Аб-

гарович Орбели в краткой пояснительной записке к своим популярным в ученых кругах «Синхронистическим таблицам хиджры и европейского летоисчисления» сделал такую оговорку: «...до конца 990 года хиджры соответствия указаны по юлианскому календарю, с начала 991 года хиджры — по григорианскому».

Однако обзор соответствующей востоковедной литературы показывает, что некоторые ориенталисты при переводе дат с мусульманского летосчисления на европейское, во-первых, упускают из виду указанную выше особенность, т.е. разграничительный для средневековой хронологии **1582-й год** от рождения Христа (*990-й год хиджры*); во-вторых, при переводе дат часто произвольно устанавливают разницу между юлианским и григорианским календарями. Между тем соответствующими специалистами разработаны и опубликованы подробнейшие таблицы расхождения между юлианским и григорианским календарями на все периоды истории.

Так, разница между этими двумя календарями составляет: для XVI и XVII вв. — 10 дней, для XIX в. — 12 дней, а с февраля 1900 г. она составляет 13 дней; и эта разница в 13 дней между юлианским и григорианским календарями сохранится до последнего числа февраля 2100 г.

Другая ловушка в востоковедении — это слепое доверие письменным источникам. Сочинения древних и средневековых восточных авторов неравноценны по своему научному значению и литературным достоинствам. Среди дошедших до нашего времени образцов, в частности, исторической литературы, немало ярких произведений, которые заключают в себе не только богатый и достоверный фактический материал, но позволяют почувствовать дух времени, осязательно пульс жизни современного автору общества. Вместе с тем есть в восточной историографии произведения, ценность которых как исторических источников и памятников литературы весьма незначительна; среди памятников восточной литературы попадаются такие сочинения, которые в изобилии содержат непроверенные слухи или даже фальсифицированные факты. Встречаются в средневековой историографии и подложные произведения.

И вся эта совокупность письменных памятников находится в обращении везде — и у людей понимающих, профессионально могущих возвыситься над источником, и равным образом у тех, кому понимание средневековых восточных источников не под силу. По определению Махмуда ибн Вали, историческое произведение — это *бахр ал-асрар*, т.е. «море тайн». Логически продолжая мысль средневекового историка, отмечаю, что как нельзя употребить в пищу морскую воду, прежде чем соответствующие специалисты не опреснят ее и не очистят, точно

<sup>2</sup> На это обстоятельство неоднократно обращал внимание ориенталистов выдающийся знаток истории Востока В.В. Бартольд (т. VI, с. 57, примеч. 191 и др.).

так же в научный обиход, т.е. в руки неориенталистов, показания восточных источников должны поступить только тогда, когда совершена в возможно полном объеме предварительная работа специалиста-востоковеда. Ибо без хорошего знания языка письменных памятников и исторических реалий, без строгой научной критики источников, без всей этой кропотливой, часто мелочной работы невозможно выяснение истины.

А теперь несколько слов о подложных произведениях и примеры фальсификации истории средневековыми авторами.

В рукописных собраниях многих научных центров нашей страны и за рубежом хранятся списки сочинения *Малфузат-и Тимури* («Изречения Тимура»), называемого также *Ваки'ати-и Тимури*, — автобиографического рассказа о жизни эмира Тимура (правил в Средней Азии в 1370–1405 гг.) с семи лет до смерти, за которым обычно следует приложение под названием *Тузук-и Тимури* («Уложение Тимура»).

Обстоятельства, при которых это произведение стало известно, таковы. Уроженец Хорасана Абу Талиб ал-Хусайни ал-Аризид во время своего паломничества в Мекку и Медину будто бы обнаружил в библиотеке Джафар-паши, османского губернатора Йемена, турецкий оригинал автобиографии Тимура, перевел его на персидский язык и в 1047/1637–38 г. поднес свой перевод Шах-Джахану, потомку Тимура, правившему тогда в Индии. Шах-Джахан прочел рукопись и обнаружил, что автобиография расходится с *Зафар-наме* Йазди, официальной историей Тимура в окончательной редакции. Тогда он приказал Афзалу Бухари сравнить перевод с *Зафар-наме* Йазди и другими историями, вычеркнуть добавления, сделанные Абу Талибом, восполнить допущенные им пропуски и исправить даты. Афзал Бухари исполнил распоряжение государя. Так говорится в предисловии к сочинению; предисловие принадлежит вышеупомянутому Абу Талибу и написано от первого лица [Тузук-и Тимури, л. 5б–7а].

Действительное происхождение этого сочинения не известно. Европейские ориенталисты (В.Бартольд, Ч.Стори, Х.Гибб и др.) рассматривают его как подложное. Основные доводы ученых сводятся к следующему: такого рода произведение совсем не характерно для XV в., к тому же в самом содержании памятника можно найти веские доказательства того, что книга не могла быть составлена ни самим Тимуром, ни его современниками. Отсюда вывод: *Малфузат-и Тимури* с его обычным приложением — явно подложное произведение, сочиненное в Индии в XVII в. и распространенное в качестве подлинных мемуаров Тимура. Вопрос о том, кто именно и с какой целью написал это произведение и приписал авторство Тимуру, остается открытым.

Существуют частичные и полные переводы *Малфузата* и *Тузуката* на французский, английский, русский и другие языки. В трудах ряда авторов XIX — начала XX столетия, да и нашего времени, мнимая автобиография Тимура и поддельное «Уложение» Тамерлана фигурируют в качестве полноценного исторического источника. В связи с этим лишь отмечу, что в 1992 г. в Москве была издана тиражом 80 000 экземпляров книга под названием «Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния», в которую ее составитель Р.Рахманалиев без всякого комментария включил мнимую «Автобиографию Тамерлана» (перепечатка перевода Нила Лыкошина 1894 года) и поддельное «Уложение Тимура» (перепечатка ташкентского издания 1904 года) [Тамерлан, 1992]. Теперь благодаря большому тиражу этой книги, вызванному современной конъюнктурой на книжном рынке, ошибка нескольких отдельных авторов одним махом становится ошибкой десятков тысяч людей.

С XIII в. в государственной и политической жизни Дешт-и Кипчака, Средней Азии и смежных областей установилась традиция, по которой монопольное право на ханский престол было присвоено только Чингисидами — потомками Чингис-хана по мужской линии. Но этот обычай, просуществовавший до начала двадцатого столетия, нередко нарушался, и, например, Тимур и Тимуриды (1370–1506), представители династии Мангытов Бухары (1785–1869) и правители Коканда из династии Мингов (1709–1876) не были Чингисидами. Поскольку в тогдашней государственной и политической жизни генеалогия играла важную роль, то в официальном кругу закономерно возникала необходимость юридического оправдания узурпации верховной власти. Тогда взоры верхов обращались к ученому персоналу двора. Перед придворными историографами ставилась в таких ситуациях официальная задача — изображая ход современных и далеких по времени событий в новом свете, придать видимость законности владычеству и упрочить таким образом положение эмиров и инаков, захвативших верховную власть и основавших новую династию (нечингисидов). На этом пути восточные историографы не останавливались перед фальсификацией истории и ее источников.

Так, чтобы объяснить и оправдать фактически установившееся политическое господство Тимура и его рода в Средней Азии, была придумана фантастическая легенда, согласно которой предки Тимура были такими же полновластными правителями Чагатайского государства, каким является Тимур. Эта власть будто бы основывалась на письменном договоре, впервые заключенном между прадедом Чингис-хана, Кабул-ханом, и его братом Качули, легендарным предком Тимура, и потом возобновленном между Чингис-ханом (ум. в 1227 г.) и Карачаром, потомком Качули. Но этот документ, снабженный «красной

печатью» (*ал тамга*), якобы исчез во время смут в начале XIV в. Эту легенду мы находим у нескольких тимуридских историографов, но подробнее всего она изложена в *Шаджарат ал-атрак*, который представляет собой сокращенную версию *Тарих-и арба' улус* («История четырех монгольских улусов»), а авторство последнего приписывается книжной традицией Улугбеку, знаменитому внуку Тимура.

Точно так же историографами двора была произведена тенденциозная фальсификация истории Средней Азии в угоду членам династии Мингов, что нашло отражение в большинстве сочинений кокандской историографии. И наконец, мемуары Великого Могола Джahanгира (ум. в 1627 г.) о первых 17 годах своего правления под названием *Тузук-и Джahanгири* подверглись тенденциозным изменениям и в таком фальсифицированном виде были вновь пущены в обращение его преемником на троне.

Так злободневные вопросы династийной и государственной политики порождали исторические вымыслы, которые затем с санкции властей включались в исторические сочинения, составлявшие при данной династии, при данном правлении, и в таком качестве должны были выполнять свою особую функцию.

Словом, в памятниках восточной литературы историческая правда соседствует с историческим вымыслом, точная дата — с анахронизмом и т.д.; более того, среди памятников восточной письменности есть поддельные документы и подложные произведения<sup>3</sup>. Отсюда вытекают по меньшей мере три положения:

1) с методологической точки зрения к любого рода попыткам авторов-неориенталистов совершить интервенцию на нивы востоковедения можно относиться только отрицательно;

2) ученый ориенталист должен обладать серьезной общенаучной подготовкой, чтобы, зная язык, литературу и историю изучаемого народа, не подчиняться безусловно своим письменным источникам, а вносить в исследование их приемы современной науки;

3) для востоковедения, как отмечал В.В. Бартольд (1869–1930), необходимо широкое развитие гуманитарных наук, необходима постановка вопросов исключительно в зависимости от требований научной мысли и научной правды, без подчинения предвзятым теориям и без уступки временным тенденциям, особенно националистическим [Бартольд, т. IX: 582].

<sup>3</sup> В исследовании С.Г. Кляшторного приводятся примеры подделки рунических надписей [Кляшторный, 2003: 280–281].

О позднейших подделках тюркоязычных исторических и литературных памятников см. статью И.В. Зайцева [Зайцев, 2003: 95–102].

Итак, в востоковедении немало разного рода ловушек. Следует помнить о них и, по возможности, избегать их; но они не должны страшить и останавливать нас. Любовь к востоковедению со всеми его ловушками — вот та одухотворяющая сила, что несет нас, остающихся в строю востоковедов, вперед.

- Бартольд — Бартольд В.В. Сочинения. Т. I–IX. М., 1963–1977.
- Веселовский, 1877 — Веселовский Н. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве с древнейших времен до настоящего. СПб., 1877.
- Веселовский, 1897 — Веселовский Н. Подробности смерти узбекского хана Мухаммеда Шейбани. (Отд. отт. из III тома 8-го Археологического съезда в Москве 1890 г.). М., 1897.
- Зайцев, 2003 — Зайцев И.В. «История татарских ханов Дагестана, Москвы и народов Дешт-и Кипчака» Ибрахима б. Али Кефеви // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. 10–11 апреля 2003 г. М., 2003.
- Кляшторный, 2003 — Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.
- Махмуд ибн Вали, 1977 — Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (география) / Введ., пер., примеч., указ. Б.А. Ахмедова. Таш., 1977.
- МИКХ — Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков. Извлечения из персидских и тюркских сочинений. А.-А., 1969.
- Султанов, 1994 — Султанов Т.И. «Му'изз ал-ансаб» и Чингизиды «Кижэ» // Восток. 1994, № 6.
- Султанов, 1996 — Sultanov T.I. Mu'izz al-Ansab and Spurious Chingizids // Manuscripta Orientalia. Vol. 2, № 3, St. Petersburg — Helsinki, 1996.
- Султанов, 2005 — Султанов Т.И. Зерцало минувших столетий. Историческая книга в культуре Средней Азии XV–XIX вв. СПб., 2005.
- Тамерлан, 1992 — Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния. М., 1992.
- Тарих-и Аллах-Кули-Мухаммад Бахадур-хан. Рук. ИВР РАН, В 768-II.
- Тузук-и Тимури. Рук. ИВР РАН, С 441.
- Шах-Махмуд Чурас, 1976 — Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас. Хроника. Критический текст, пер., коммент., исслед. и указ. О.Ф. Акимужкина. М., 1976.